

Василий Щепетнев

Подлинная история Баскервильского Чудовища

– Интересно, идут ли слонопотамы на свист, и если идут, то ЗАЧЕМ?

Я должен приостановить эксперименты над Системным Временем (простите за скверный каламбур), чтобы восстановить доброе имя оклеветанного человека и обелить репутацию его злосчастной собаки. Речь идет о мистере Стэплтоне, которого герой Конан-Дойля, частный сыщик Шерлок Холмс обвинил в убийстве Чарльза Баскервиля и подготовке покушения на Генри Баскервиля.

Более века длится вопиющее заблуждение. Пришло время покончить с ним, раз и навсегда разобраться в подлинной подоплеке событий, произошедших сто лет назад в далеком Девоншире посреди торфяных болот.

Невиновность мистера Стэплтона (будем называть его именем, которое он сам выбрал) я намерен доказать, основываясь исключительно на тексте произведения сэра Артура. Следует лишь внимательно прочитать его, без пристрастий и предубеждений, в случае сомнения истолковывая факты в пользу обвиняемого, как и предписывает Закон. Шаг за шагом пройдем мы по повести – и узнаем Истину.

Начнем с собаки.

Доктор Ватсон описывает ее как злобного монстра, сеющего смерть на торфяных болотах: «Ни в чьем воспаленном мозгу не могло бы возникнуть видение более страшное, более омерзительное, чем это адское существо, выскочившее на нас из тумана»; «Чудовище, лежавшее перед нами, поистине, могло кого угодно испугать своими размерами и мощью». Да и Шерлок Холмс ее не жалуется: «Собака была совершенно дикая...».

Знаменитый сыщик утверждает, что в смерти сэра Чарльза повинна именно она: «Собака, натравленная хозяином, перемахнула через калитку и помчалась за несчастным баронетом», она же стала причиной смерти злодея-каторжника, и уж что совершенно несомненно – она бежала за сэром Генри.

Но вспомните – ни на одной из предполагаемых жертв не было следов нападения собаки! Сэр Чарльз умер от декомпенсации хронического порока сердца, каторжник свалился со скалы, сэр Генри остался невредим: «Холмс возблагодарил судьбу, убедившись, что он не ранен». Три случая – и не одного укуса! А ведь Шерлок Холмс говорит, что хозяин специально натравливал собаку на жертвы. Что ж это за злобное чудовище: его натравливают, а оно не кусает? «Мы с вами опять-таки знаем, что собаки не кусают мертвых», – объясняет Ватсону сей парадокс сыщик, но я-то знаю, что по команде «фас» злобная собака укусит кого угодно, хоть тряпичную куклу. К тому же пса неоднократно видели фермеры (свидетельство доктора Мортимера: «Все они рассказывают о чудовищном привидении, почти слово в слово повторяя описание того пса, о котором говорится в легенде»), он забредает на аллее Баскервиль-Холла, но ни одного случая агрессивного поведения не отмечается. Вот тебе и дикая, злобная псина.

Большие размеры? Это не преступление. Страшная внешность? Субъективное мнение. Воеет? А что еще делать собаке, целыми днями сидящей на цепи?

Но ведь она бежала за сэром Генри? Бежала. Потому что тот бежал от нее. Спросите любого собаководладельца, как он подманивает непослушного, заигравшегося щенка? Он делает вид, что уходит. Или даже убегает. И пес непременно устремится за ним – отнюдь не с целью загрызть хозяина, а поиграть. Даже мой Шерлок, собака вежливая, ученая и вполне взрослая, обожает гоняться за мной, притворно щелкая зубами у самых щиколоток или наскakiвая на грудь и норовя облизать лицо. Да и другие веселые собачки не прочь оставить отпечатки своих лапок на моей куртке. Ничего, для того они и существуют, прогулочные куртки...

Умные родители внушают ребенку: никогда не бегай от собаки. А почему бежали оба Баскервиля? Об этом позднее, но совершенно очевидно, что, с точки зрения собаки, они приглашали ее к веселой игре.

Но когда бегущий падает, Баскервильский Монстр немедленно прекращает погоню и в смятении убегает, не причинив упавшему ни малейшего вреда.

Самый дотошный читатель вспомнит о скелете спаниеля, найденного в логове Баскервильской Собаки. Подлинное значение этой находки я раскрою ниже, сейчас лишь отмечу, что внутрисобачьи отношения человеческому суду неподсудны.

Итак, мерзкое жестокое чудовище исчезло. Осталась здоровенная псина, скучающая дни напролет на цепи, а в краткие часы свободы охотно принимающая предложения побегать взапуски, но никогда, никогда, НИКОГДА не укусившая ни одного человека. Просто кому-то было выгодно, чтобы ее считали кошмарным созданием.

Кому?

Вспомним историю прародителя Баскервильской Собаки, изложенную в известном манускрипте. Чудовище не бесчинствует – оно карает бесчестного негодяя и насильника Гуго Баскервиля (любопытно, что и в славянской мифологии присутствует Полкан, существо с песьей головой, мстящее насильникам за поруганную девичью честь). И боятся его лишь те, чья совесть нечиста. Сам автор манускрипта предостерегает сыновей, но призывает ничего не сообщать о чудовище сестре Элизабет – очевидно, что для нее собака Баскервильей угрозы не представляет.

Запомним это и перейдем к главной жертве клеветы – бедному мистеру Стэплтону.

Гадкий утенок Баскервилей

«Нам еще не приходилось скрещивать рапиры с более достойным противником», – пугает Холмс. Но что действительно известно о Стэплтоне? Он – племянник сэра Чарльза, кузен Генри Баскервилей. Женат на красавице костариканке. Под фамилией Ванделер вернулся на родину отца, в Англию, где открыл школу – предприятие общественно полезное и отнюдь не предосудительное.

Работу любил: «что меня привлекало в ней, так это тесная близость с молодежью. Какое счастье передавать им что-то от себя самого, от своих идей, видеть, как у тебя на глазах формируются юные умы!» Эпидемия в школе (возможно, брюшной тиф) перечеркнула педагогическую карьеру Стэплтона. Он меняет фамилию и поселяется около родового гнезда, отдаваясь другой страсти – энтомологии, в чем и преуспевает: «он считался признанным авторитетом в своей области, имя его было присвоено одной ночной бабочке, описанной им еще в Йоркшире».

Сам факт смены фамилии – не преступление. Не исключено, что Ванделер хочет дистанцироваться от родственников-аристократов, изгнавших его отца в Южную Америку, где тот и умер от болезни. Скромная жизнь неподалеку от родовой резиденции доставляет ему своеобразное удовлетворение. Старшая ветвь Баскервилей получила деньги, землю, титул. Ему же достается в наследство одна Собака.

Каковы мотивы убийства, приписываемого Стэплтону? Холмс уверяет: «его цель была получить поместье; ради этого он не стеснялся в средствах и шел на любой риск». Но сэр Чарльз стар и болен, а Стэплтон считает себя единственным наследником: «очень возможно, что сначала Стэплтон даже не подозревал о существовании наследника в Канаде». Так стоит ли рисковать, тем более что он «знал, что у старика большое сердце»? Разумней подождать естественного развития событий, а пока объявиться дядюшке и признаться, буде в том нужда, деньжат: «сэр Чарльз... своим радушием и щедростью успел снискать себе любовь и уважение всех, кому приходилось иметь с ним дело... Будучи бездетным, он не раз выражал намерение еще при жизни облагодетельствовать своих земляков», и уж родному-то племяннику на достойное дело денег бы дал наверное. А что может быть достойнее научных исследований или создания школы?

Но – не раскрывает Стэплтон дядюшке тайну собственного происхождения, и денег не просит. Причина проста – Стэплтон горд и не корыстен. Сачок у него есть, бабочки летают рядом, что еще нужно энтомологу?

Хорошо, положим, чужая душа – потемки, и он все-таки хочет заполучить поместье непременно злодейским путем. Но почему же делать это столь нелепо, даже глупо? Сама идея напугать – просто мальчишество. Испугается сэр Чарльз, но отчего ж обязательно умирать?

И зачем привлекать Лауру Лайонс? Стэплтон якобы заставил ее назначить свидание сэру Чарльзу ночью в парке. С какой такой подлой целью? Выманить из дому? Но «сэр Чарльз Баскервиль имел обыкновение гулять перед сном по знаменитой тисовой аллее Баскервиль-Холла. Чета Бэрриморов показывает, что он никогда не изменял этой привычке». Зачем же вмешивать в злодейство чужих, если баронет и без того в тот злополучный вечер «как обычно, отправился на прогулку»? И потом, каким образом заботящаяся о своей репутации женщина рассчитывала ночью добраться из Кумб-Трэси (не ближний свет) в парк Баскервиль-Холла, да еще незаметно? Не на помеле же прилететь? Нет, если Лаура Лайонс и планировала встречу с сэром Чарльзом, то именно затем, чтобы быть скомпрометированной, скомпрометировать сэра Чарльза и получить на него некоторые права. Мистер Стэплтон как наперсник баронета («сэр Чарльз проникся дружескими чувствами к Стэплтону и послал его в качестве своего посредника к миссис Лауре Лайонс») воспротивился тому. Тем не менее, письмо Лауры Лайонс – очень важная улика, если ее растолковать правильно. Но об этом после.

Еще нелепее представляется попытка запугать до смерти Генри Баскервиля. Канадские фермеры со страху не умирают. Да, к финалу истории нервы сэра Генри изрядно расшатались, что привело к срыву, но надеяться на это было бы крайне легкомысленно. Куда проще убить молодого баронета холодным или огнестрельным оружием, а хоть и камнем – все подозрения пали бы на лютого каторжника Селдона, который сбежал из тюрьмы и обретался поблизости. Надежно, эффективно, безопасно. Но этого не произошло. Не произошло именно потому, что мистер Стэплтон не имел намерения убивать сэра Генри – впрочем, как и сэра Чарльза.

Он не чурается знакомства с другом Холмса, доктором Ватсоном. Зная, что каждое его слово будет передано сыщику («если вы появились здесь, значит, мистер Шерлок Холмс заинтересовался этим делом»), Стэплтон, тем не менее, рассказывает примечательный эпизод

своей биографии – неудачу со школой в одном из северных графств. «А ведь отыскать учителя – самое простое дело. На этот предмет существуют школьные агентства, которые дадут вам сведения о любом лице, связанном с этой профессией».

Гениальные преступники так себя не ведут. А невинные люди – сплошь и рядом.

Леди Баскервиль

Если Стэплтона жизнь на болотах более чем устраивает – он натуралист, над трясиной порхают неведомые бабочки, – то для его красавицы жены подобная жизнь должна казаться прозябанием:

«Странное мы выбрали место, где поселиться, – сказал Стэплтон, будто отвечая на мои мысли. – И все-таки нам здесь хорошо. Правда, Бэрил?»

– Да, очень хорошо, – ответила она, но ее слова прозвучали как-то неубедительно».

Бэрил тяготит захолустье.

Единственная надежда – наследство. Сэр Чарльз стар и болен, следует только подождать, и она станет леди Баскервиль де-юре и де-факто. Опасность одна – вдруг баронет женится, пойдут дети, – прощай деньги, прощай титул. Лаура Лайонс, «дама с весьма сомнительной репутацией» но «очень красивая женщина», определенно интересуется сэром Чарльзом, да и сам баронет проявляет к ней внимание.

От мужа Бэрил узнает, что Лаура назначила свидание баронету. Бэрил хочет проучить баронета, показав тому Баскервильское Чудовище. Баронет мнителен, появление страшного пса, грозы блудодеев, поможет отвратить его от замужней дамы. Возможно, она не натравливает собаку, просто приказывает ей побежать в сторону сэра Чарльза – бросает палочку и т. п. Увы, потрясение оказалось слишком тяжелым, сердце старика не выдержало.

Вдруг объявляется Генри Баскервиль. Что ж, это еще лучше – за него можно выйти замуж!

Прежде всего необходимо, чтобы наследник приехал в Баскервиль-Холл. Для этого Бэрил пишет подметное письмо. Нет более верного способа заставить мужчину поступить неразумно, чем обвинить в трусости.

Знаменитые «если рассудок и жизнь дороги вам, держитесь подальше от торфяных болот» – типичный пример ловли на «слабо». Генри Баскервилю не остается выбора – он отправляется в Девоншир: «как бы там ни было, но ответ мой будет таков: ни адские силы, ни людские козни не удержат меня здесь. Я поеду в дом своих предков».

Теперь Бэрил должна привлечь его внимание к себе, красивой загадочной девушке, живущей с недотепой-братцем. Первую атаку она повела на Ватсона, приняв того за нового баронета: «Уезжайте отсюда! – сказала она. – Немедленно уезжайте в Лондон!... – Она сверкнула глазами и нетерпеливо топнула ногой. – Не требуйте объяснений... Неужели вы не понимаете, что я желаю вам добра?»

Атака проведена мастерски. Тут и таинственная загадка, и участие, и ножка (времена-то викторианские), и нарочно надетое «нарядное платье» (химчисток в глуши нет, а платье после прогулок по болотам очень скоро перестает быть нарядным). Правда, поражена ложная цель, но не беда. Сэр Генри покорен: «он увлекся ею с первой же встречи, и вряд ли я ошибусь, если скажу, что это чувство взаимное», – отмечает доктор Ватсон. Если бы Стэплтон действительно хотел любой ценой заполучить поместье, то должен был бы всячески поощрять увлечение Генри Баскервиля. Но он ведет себя совершенно иначе: «Стэплтон явно не желает, чтобы эта дружба перешла в любовь, и, по моим наблюдениям, он всячески старается не оставлять их наедине», – пишет в отчете доктор Ватсон. «Этот субъект даже близко меня к ней не хочет подпускать», – вторит сэр Генри.

Это не поведение расчетливого негодяя, который именно для подобного случая и представил жену сестрой. Это поведение ревнующего мужа, чувствующего, что жена готова покинуть его ради богатого соперника. Именно Бэрил выгодно быть не женой Стэплтона, а сестрой.

Стэплтон пытается отвести сэра Генри. Как? С помощью собаки. Сэр Генри здоров, молод, и потому вид адского пса лишь отпугнет его, не нанеся физического вреда.

Но Бэрил против. Гораздо лучше иметь мужем богача-баронета, чем романтика-энтомолога. Она не хочет ни учить детей в школе, ни жить в болотах. Лондон, Париж, Нью-Йорк – вот города, достойные леди Баскервиль.

Бэрил готова сказать сэру Генри «да!». «Ей было хорошо со мной», – радуется сэр Генри. А муж... Пусть заблудится в Гримпенской трясине: «туда-то он найдет дорогу, а обратно не выберется! Разве в такую ночь разглядишь вежи? Мы ставили их вместе, чтобы наметить тропу через трясины. Ах, почему я не догадалась убрать их сегодня!»

Догадалась Бэрил, догадалась! И догадалась откреститься от этого деяния.

Стэплтон пытается любым способом предотвратить уход жены. Он связывает ее (Холмс представляет это действие пыткой, но как знать, может, это была особенность супружеских отношений четы Стэплтонов, эдакие игры), а затем, отделавшись от назойливого гостя, пускает по следу собаку. Пусть как следует попугает охотника до чужих жен! Но затем он почему-то направляется в сердце трясины. Объяснения Бэрил «там у него все приготовлено на тот случай, если придется бежать» совершенно неубедительны. Что значит «все приготовлено»? Прорыт тоннель в Париж или ждет ковер-самолет? Нет, это не бегство. На отрезанный от мира островок его ведет иное чувство – отчаяние. Жена предала, собака – убита, мир опостылел. Островок – то место, где можно побыть одному, наедине с природой, где нет измен, докучливых баронетов и врагов, притворяющихся друзьями.

Но миссис Стэплтон – отнюдь не главный злодей, нет!

(осталось немного)

Милый друг Баскервилей

«Собака Баскервилей» – воистину гениальный детектив. Главный злодей предстает перед нами с первых страниц, а читатель остается в неведении и поныне.

Но день настал!

Итак, «что понадобилось человеку науки, доктору Джеймсу Мортимеру, от сыщика Шерлока Холмса?»

На наших глазах Мортимер создает Дело Баскервилей. Сельский врач относится к легенде о собаке очень серьезно – мало того, он ее пылкий проповедник! Именно от него узнают о причастности чудовища к смерти Чарльза Баскервиля и Холмс с Ватсоном, и сэр Генри. Странно, что, будучи не только близким другом, но и пациентом Мортимера, сэр Чарльз лишь за три недели до смерти поведал тому о своих страхах. Еще более странно, что доктор Мортимер сам не догадался о них: в Гримпенском приходе он практикует пять лет, за это время даже нелюбопытный врач выучит местные легенды назубок.

До знакомства с Мортимером Генри Баскервиль тоже знал о легенде, да «не придавал ей никакого значения». Но «научное использование силы воображения» привело к тому, что к финалу повествования сэр Генри из «очень живого, здорового человека» становится неврастеником.

Движущая сила Дела Баскервилей не собака, а страх: чудовища обретают силу, лишь населив человеческое сознание. Роль квартирмейстера берет на себя Мортимер, погружая жертву в атмосферу ужаса: «мороз пробежал у меня по коже», – таково впечатление от слов «человека науки» у приземленного, здравомыслящего Ватсона. А каково было сэру Чарльзу?

Присмотримся к доктору Мортимеру.

Внешне он «весьма симпатичный человек», «нечестолюбивый, рассеянный», но так ли это? «У меня нет докторской степени, я всего лишь скромный член Королевского хирургического общества», говорит он, и в словах слышится горечь. Научные публикации прекращаются с переездом Мортимера в Гримпен – «Прогрессируем ли мы?», «Вестник психологии» (sic!!!), март, 1883. «Я женился и оставил лечебницу, а вместе с ней и все надежды на должность консультанта», – здесь явно проскальзывает недовольство женитьбой. Жена Мортимера замечательна именно своим отсутствием, «жена, о которой нам ничего не известно». Очевидно, что брак Мортимера неудачен: «близкие соседи стараются почаще встречаться друг с другом», но он ходит по гостям один, без жены, в Лондоне он опять один, жена на болотах. Да и то, что Мортимер забывает свою трость, «подарок от друзей ко дню свадьбы», в свете бессмертного учения Фрейда говорит о многом.

Жене муж тоже безразличен: «одет он был... с некоторой неряшливостью: сильно поношенный пиджак, обтрепанные брюки», – за гардеробом Мортимера она явно не следит.

Мортимер обладает счастливой способностью уметь нравиться, он по душе Холмсу и Ватсону, коллегам и сэру Чарльзу. Несмотря на большую разницу в возрасте и общественном положении, он быстро становится столь близким другом старого баронета, что тот назначает его своим душеприказчиком, завещает тысячу фунтов – сумму по тем временам изрядную.

Но гораздо перспективнее представляется разработка сэра Генри. Стать для него ближайшим другом – вот задача, поставленная Мортимером. Друзья познаются в беде – значит, нужна беда. На болотах разыгрывается трагедия, а Мортимер – автор сценария, актер и режиссер одновременно. Козлом отпущения он избрал Стэплтона.

Холмс сразу распознает в Стэплтоне Баскервиля. Мортимер, антрополог («это мой конек: надбровные дуги, лицевой угол, строение челюсти»), еще при первом визите подсказавший Холмсу, что младший брат сэра Чарльза Роджер «как две капли воды похож на фамильный портрет Гуго», должен увидеть это задолго до Холмса. Несомненно и то, что он, пять лет изучавший стоянки первобытных людей, знает Гримпенскую трясину куда лучше новичка Стэплтона. Вероятно, Мортимер показал путь к островку (на котором есть неолитическое поселение!) Бэрил, а уж она показала его Стэплтону: «мы ставили вехи вместе». Есть неопровержимое доказательство того, что Мортимер знал о логове Собаки. Это останки пропавшего пса Мортимера. Как сумел спаниель пробраться в сердце трясины? И, главное, зачем? Зов пола можно исключить – Собака наверняка была стерилизована, иначе все овчарки («на болотах много овчарок») бродили бы за ней толпами, какое уж тут чудовище, смех... Спаниель сопровождал хозяина, но цепная собака к вторжению на свою территорию отнеслась

крайне болезненно...

Никто не поинтересовался, где был Мортимер в ночь смерти сэра Чарльза и в ночь смерти Стэплтона. Такова сила обаяния доктора Мортимера.

В финале книги Мортимер – любимый друг сэра Генри. Вместе с ним он отправляется в кругосветное путешествие, в те времена весьма и весьма длительное, бросив и больных «приходов Гримпен, Торсли и Хай-Бэрроу», и свою невидимую жену. Я не могу настаивать на том, что он склонит сэра Генри к гм... нетрадиционным отношениям, но именно это объясняет многое, включая неудачный брак Мортимера.

Интересно, кому откажет сэр Генри свое состояние?

(расставляю точки над «ё»)

Конец дела Баскервильей

Утверждают, что книги для писателя – дети, всех он одинаково любит, каждая ему дорога по-своему. Не дети, но духи! Писатель – ученик чародея, причем зачастую даже не ведающий о своем ученичестве. Мнит, будто он мастер, демиург, повелитель мух и вселенных, что все пойманное в чернильнице целиком и полностью принадлежит ему одному. «Захочу – помилую, а захочу – растопчу!» – так, кажется, говаривал купчина у Островского.

Но это верно в отношении духов самого низшего порядка, не духов скорее, а зомби, мертвых телесных оболочек, которыми действительно хоть тын подпирай. «Взвейся да развейся!»

Но если некая искра, уж не знаю, голубая, красная, коснется пера писателя в момент творения – всё! Теперь неведомо, кто – чей. Как ни пытайся загнать вызванного духа в чернильницу, пустое. День ото дня дух матерееет, обростает плотью, того и глядишь, засунет в чернильницу самого автора.

– Писателев таперича нет! – горько рыдал мой коллега, когда ни друзья, ни приятели, ни даже враги не захотели признать в нем творца некоего опуса в черной обложке. Фамилия не твоя, личность не твоя, а девичья, очень симпатичная, и вообще, она за границу на ярмарке была, а ты дальше Борисоглебска никуда и не выезжал.

– П-проект, – рыдал коллега, – коллективный труд.

– Тогда утри сопли и пиши что-нибудь свое. Нетленное.

– Не могу. Он не пускает.

– Кто?

– Ратник... – и коллега пошел дописывать двадцать восьмую главу серийного детектива «Ратник во тьме».

Бороться с недотыкомкою сложно. Можно взять и сжечь рукопись, а чернильницу – о стену вдребезги! Можно просто поселиться в особняке на берегу тихой великой реки и всю оставшуюся жизнь тайком (но чтобы все знали!) писать великий роман о великом человеке (Кому Нужно, поймут!), можно заколоть героя на глазах почтенной публики, но куда надежнее разделаться с ним по-свойски, по-писательски. Пусть знает, кто в чернильнице хозяин.

Артур Конан-Дойль так и поступил – причем с присущим англичанину тактом и юмором. Он публично высмеял своего демона – но увидели это лишь посвященные зелаторы (может, и вовсе один).

Действительно, быть известным лишь благодаря Шерлоку Холмсу довольно унижительно. Простенькие рассказы, поначалу воспринимавшиеся как подспорье, «джентльмен в поисках гиней», взяли автора в полон. Мистер Холмс постепенно вытеснял Артура Конан-Дойля, и со временем победа доктора Хайда казалась неизбежной.

А что мистер Холмс был скорее Хайдом, нежели Джекилом, кажется мне вполне вероятным. Кто вы, мистер Холмс? Какая причина заставляет вас тосковать в безмятежные дни и расцветать, оживая, при виде трупов и человеческого горя? Почему из всех профессий вы, человек недюжинного ума, имеющий влиятельного брата, выбрали именно ту, которая... Впрочем, остановлюсь, а то размахнусь еще на дюжину страниц.

Важно другое – Конан-Дойль стал тяготиться своей тенью. Он, автор множества романов, спирит-эксперт, воспринимался как создатель дешевенького бульварного чтiva (дешевенького в переносном смысле: Холмс по-своему был щедр с доктором Конан-Дойлем).

Тарас Бульба, человек прямой, сказал: «Я тебя породил, я тебя и убью!»

Пробовали. Не получилось (мне и сейчас Андрий понятней Остапа). Холмс вынырнул со дна Рейхенбахского водопада еще более могучий, чем до падения. Договор подписан не кровью – чернилами!

Нет, дуэль с тенью должна быть иной, публичной, а выбор оружия – не духовое ружье, а интеллект и юмор.

И она случилась!

«Собака Баскервиль» и есть знаменитая дуэль писателя с тенью. Конан-Дойль «идет на вы», предупреждая Холмса словами д-ра Мортимера: «Слепок с вашего черепа, сэр, мог бы служить украшением любого антропологического музея до тех пор, пока не удастся получить самый оригинал». Мортимер явно начинает охоту на Холмса! Все перипетии честно разыгрываются перед глазами читателя. И Холмс бессилен! В своем расследовании я не ответил на ряд вопросов: кто следил за Холмсом в Лондоне? кто украл ботинок сэра Генри? кого ждал Селдон, кружа у Баскервиль-Холла? – но зачем лишать читателя удовольствия собственного расследования...

В отчаянии Холмс вешает на несчастного Стэплтона всех собак в округе, облыжно обвиняет во всех нераскрытых кражах и грабежах («он уже давно был опасным преступником»), не приводя, разумеется, ни единого доказательства.

Да он и сам знает о шаткости собственных позиций: «Все это одни догадки и предположения. Нас поднимут на смех в суде, если мы явимся туда с такой фантастической историей и подкрепим ее такими уликами».

Холмс пляшет под дудочку Мортимера (который, безусловно ехидствуя в душе, сообщает Холмсу о привезенных из Южной Америки сэром Чарльзом научных материалах, на основании которых они долго спорили с баронетом о сравнительной анатомии бушменов и готтентотов), преследуя невинного Стэплтона. Увы, итог дела – ноль. В суд представить Холмсу нечего, разве труп убитой собаки. Но публика кричит «ура!» великому Холмсу. Пусть ее. Зато Конан-Дойль свободен! Он показал истинную цену своему герою, и теперь Холмс будет прыгать через барьер столько раз, сколько ему прикажет Хозяин.